

СТРАСТНАЯ БЕССТРАСТНОСТЬ ВЕНСКОГО КРУЖКА

Воронина Наталия Николаевна – кандидат философских наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 23; e-mail: voronina-nn@voronina-nn.ru

Эта статья представляет собой авторские впечатления и размышления о судьбе Венского кружка и книге Карла Зигмунда «Точное мышление в безумные времена. Венский кружок и крестовый поход за основаниями науки». К. Зигмунд рисует яркий портрет Венского кружка на фоне сложного исторического периода, в который довелось жить и работать его членам. Венский кружок стал знаменем традиции, пытающейся отстаивать освобождение сознания и науки от метафизики. Однако самим участникам Венского кружка и их окружению не удалось избавиться от гуманистической проблематики, несмотря на декларацию строгой научности. В статье обращается внимание на внутреннее противоречие между строгой научной тематикой и экзистенциально-гуманистическим восприятием этой тематики авторами Венского кружка, и их единомышленниками, и самим Карлом Зигмундом. Выдвигается предположение, что именно благодаря этому противоречию Венский кружок стал не просто этапом в развитии философского науковедения, а оказал широкое культурное влияние на искусство, политику, архитектуру, музейное дело, и т.д. В истории философии с Венским кружком связывается начало расхождения философских традиций, и по книге Зигмунда создается впечатление, что это расхождение не строго научной и гуманистической традиции в понимании философии, а различие между двумя гуманистическими традициями, одной из которых свойственно выражать свои мысли строго аналитически.

Ключевые слова: Венский кружок, Э. Мах, Л. Витгенштейн, О. Нейрат, М. Шлик, Г. Ган, неопозитивизм, логический позитивизм, метафизика, наука, гуманизм

THE PASSIONATE DISPASSION OF THE VIENNA CIRCLE

Natalya N. Voronina – PhD in Philosophy, Associate Professor. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 23 Gagarin Av., Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation; e-mail: voronina-nn@voronina-nn.ru

This article represents the author's reflections on the book by Karl Sigmund "Exact Thinking in Demented Times. The Vienna Circle and the Epic Quest for the Foundations of Science" and the fate of the Vienna Circle. Sigmund paints a vivid portrait of the Vienna Circle against the background of the difficult historical period in which its members lived and worked. The Vienna Circle established the tradition of liberating consciousness and science from metaphysics. But the participants of the Vienna Circle and their entourage did not manage to get rid of the humanistic issues, despite the declaration of strict scientific character. The author of the article draws attention to the internal contradiction between strict scientific topics and the existential-humanistic perception of this topic by the Vienna Circle's authors and their like-minded people, and by Sigmund himself. The author concludes

that it was thanks to this contradiction the Vienna Circle became not only a stage in the development of philosophical science, but also had a broad cultural influence on art, politics, architecture, museums, etc. The historical and philosophical tradition connects the activities of the Vienna Circle with the beginning of the divergence between the philosophical scientific and humanistic traditions in the understanding of philosophy, and the controversy between R. Carnap and M. Heidegger is an important point in this process. But Sigmund's book gives the impression that this is not the divergence strictly scientific and humanistic traditions, but the difference between two humanistic traditions, one of them tends to express its thoughts strictly analytically.

Keywords: Vienna Circle, H. Hahn, M. Schlick, R. Carnap, O. Neurath, E. Mach, L. Wittgenstein, neopositivism, logical positivism, metaphysics, science, humanism

В начале XX в. в философии происходит, казалось бы, незначительное событие: в венской кофейне регулярно собираются несколько математиков и физиков, чтобы пофилософствовать о том, что такое научное миропонимание и каковы взаимоотношения метафизики и науки. Но эти венские встречи заложили основание для раскола между двумя философскими традициями. И этот раскол по-прежнему требует осмысления. Участники Венского кружка стремились противостоять идее, что в основании науки должно лежать какое-то мировоззрение, напротив, они исходили из положения, что наука должна лежать в основании мировоззрения. Более того, речь даже не шла о мировоззрении как взгляде на мир в целом, О. Нейрат поясняет: «Если говорят о научном миропонимании, в противоположность философскому мировоззрению, то под “миром” имеют в виду не некое законченное целое, но постоянно растущую область науки» [Нейрат, 2006, с. 143]. Из отказа от приоритета мировоззрения следовало, что наука должна объяснять человеку, как он должен жить, а не человек требовать от науки того, что ему нужно для жизни, исходя из его мировоззрения. Помимо отрицания метафизического подхода, Венский кружок противостоял и иррационалистическим тенденциям философии того времени и отстаивал принципы строгой науки и логики. Но по книге К. Зигмунда страстные поиски истины в Венском кружке явно выходят за рамки научного бесстрастия.

Автор с первой же главы задает всей книге тон легкого фильма с венским вальсом в качестве музыкальной темы, назвав ее «Полночь в Вене» – ссылая на знаменитый фильм Вуди Аллена «Полночь в Париже» с его чарующей атмосферой Парижа начала XX в. И это производит захватывающее впечатление: драматические исторические события, на фоне которых проходят баталии Венского кружка (мировые войны, экономические кризисы, изменение границ стран), убийства, самоубийства, сумасшествия поданы как еще один мазок на ярком экспрессионистском полотне, а не глубокая трагедия.

Вена, где разворачивается основная деятельность членов Венского кружка и многих его идейных предшественников, представит в книге как полноценный герой. Это город, бурлящий интеллектуальной энергией, где Эрнст Мах и Людвиг Больцман яростно спорят о реальности атомов, где «Зигмунд Фрейд со своей неизменной сигарой препарировал душу, пристально следя за свободными ассоциациями своих пациентов, в том числе и “главного из них” (самого себя)» [Зигмунд, 2021, с. 47], где художники «Сецессиона» во главе с Густавом Климтом творят новое искусство. Вена продолжает быть интеллектуальным центром и в период между двумя войнами: на фоне яростной политической борьбы возникает и реализуется масса самых разных творческих идей в искусстве, науке, философии и социальной практике. И, пожалуй, самое трагичное, что есть в книге, – это гибель Вены интеллектуальной, последовавшая за восстанием 1934 г. и гитлеровским захватом Австрии, когда начались расправы с инакомыслящими и интеллектуальная элита либо спешно покидала Австрию, либо не имела возможности работать.

Герои книги пишут свои изящные логические трактаты то на передовой, то в тюремной камере, то в лагере военнопленных. Стоматологи, убивающие известных писателей, или физики, убивающие премьер-министров и начинающие свою речь на суде описанием полемики Коперника и Птолемея, – просто примета времени.

Может быть, Венский кружок и не сложился, если бы в 1895 г. руководство Венского университета не приняло неординарное решение и не пригласило бы заведовать кафедрой философии выдающегося физика Эрнста Маха, а после него – великого физика Людвигу Больцмана. Получилось, что не только «все физики в Вене были учениками и Маха, и Больцмана» [Там же, с. 71], но и все философы Вены слушали Маха и Больцмана. Традицию объединения физики и философии продолжит М. Шлик, любимый ученик Макса Планка, который возглавит ту же кафедру в 1922 г. Возможно, такая традиция объединения философии и естественных наук сама по себе плодотворна, и ее следовало бы сохранять. Благодаря Зигмунду, так легко представить, как в небольшой аудитории два философа, два математика, социолог-экономист, логик, физик, переквалифицировавшийся в философа, обсуждают книгу инженера-авиатора, тоже ушедшего в философию. В Венском кружке и в пространстве вокруг него сложилась почти идеальная «зона обмена», «локус, где приключаются “встречи”, где случаются инсайты взаимопонимания» [Касавин, 2017, с. 15], точка пересечения различных культурных интересов и инициатив. Эта разнонаправленность интересов внутри кружка являлась не только причиной соединения философии и науки, но и причиной того влияния, которое оказал Венский кружок на мировую культуру. «Если бы мы продолжали думать о Венском кружке как

о более или менее однородной группе... мы не только не смогли бы понять развитие философии кружка» [Uebel, 2023, p. 123]. Мы сталкиваемся здесь с феноменом чрезвычайно плодотворного взаимодействия гуманитарной сферы и естественных наук. Была ли эта плодотворность исторической случайностью или в подобном синтезе кроется закономерность успеха?

Логический позитивизм предпринимает попытку противопоставить науку и метафизическо-идеалистические иллюзии (в том числе поэзию), причем в этом противопоставлении отдать предпочтение науке. Науку в Венском кружке предлагалось понимать прежде всего как путь освобождения от метафизики, как путь к тому, с чем человек встречается в познании предстоящей перед ним данности. «Задаваться вопросом, что лежит “за ними” и что это такое “на самом деле” – ничемная метафизика» [Зигмунд, 2021, с. 85]. За этим направлением их мысли стояла извечная тяга человека к трезвой оценке своих возможностей, к здравомыслию, к решительной попытке выбраться из многообразных лабиринтов идеалистических представлений, пусть даже и просто отменив их. У читателя книги может возникнуть вопрос: почему принципиально антиэкзистенциальное и антиромантическое, взявшее за образец строгую науку и логику философствование Венского кружка в воспоминаниях математика Зигмунда описывается столь экзистенциально-романтично?

Авторы Венского кружка преимущественно были учеными, хорошо подготовленными в математике и физике, но их интересовала не просто проблематика их наук, а то, как человек должен воспринимать жизнь. Из книги ясно видно, что ее персонажи не разделяли науку и понимание жизни, что они видели науку в каком-то смысле антропоморфно, наука для них была не чем-то сухим и формальным, а живым, как картины природы. Уже с первых глав книги Зигмунда создается впечатление, что он описывает процесс развития какого-то литературно-художественного направления, что речь идет о кружке художников, а не об ученых, обсуждающих строгие формальные вопросы физики и математики. Слишком живым было отношение авторов Венского кружка к физике и математике. Участники Венского кружка и их окружение явно жили физикой и математикой, она была частью их существа. Если следовать такому антропоморфному пониманию науки, становится понятным, почему венское общество живо откликалось и активно посещало публичные лекции по чисто научным проблемам, казалось бы, отвлеченным от жизни. Например, невозможно было достать билет на публичную лекцию Эйнштейна, а на лекции М. Шлика толпами сбегались восхищенные студенты, «а припозднившийся посетитель его семинара мог считать, что ему повезло, если не пришлось сидеть на подоконнике» [Там же, с. 146]. Подобный интерес публики говорит не только о том, что работа Венского кружка имела широкий общественный резонанс, но также

о том, что от науки ожидали чего-то гуманистически значимого, чего-то касающегося восприятия жизни человека.

Зигмунд в главе «Вальс кружков» пишет:

Около 1910 года во всех салонах и кофейнях Вены собирались разнообразные дискуссионные кружки. Некоторым из них предстояло оказать определяющее влияние на историю двадцатого века. Искусство, науки, общественные реформы – все это разжигало жаростные дебаты. Свои кружки образовывались вокруг Зигмунда Фрейда, Карла Крауса, Густава Климта, Виктора Адлера и Артура Шницлера. Темы были любые – от авангарда до сионизма, от законов о школьном образовании до современной драмы, от феминизма (который тогда еще так не назывался) до психоанализа, от градостроительства до истории искусства. В этом кипучем котле между группами наладилось бурное интеллектуальное и личное общение [Зигмунд, 2021, с. 69].

Надо сказать, что Вена в этом смысле не была исключением, люди начала XX в. очень живо откликались на культурные события, что во многом было утрачено впоследствии. Научное знание для участников Венского кружка было как произведение искусства для художника. Нужно сказать, что и поведение их напоминало поведение художников: «вели похожий богемный образ жизни» [Там же, с. 94]. Например, казалось бы, такой сухой принцип, как принцип экономии мышления в теории, развиваемый Махом, который понимался просто как теоретическое обобщение ощущений, приводил к экзистенциально значимой идее исчезновения «Я»: «Я состоит из ощущений. За ними скрывается... вообще говоря, ничего. Вообще ничего» [Там же, с. 47]. Зигмунд приводит слова Маха об особом опыте восприятия природы на прогулке, где Мах увидел себя как комплекс ощущений внутри природы, благодаря чему появилась карикатура Маха, где его «Я» изучает само себя. Почему это показалось Маху забавным, карикатурным? Зигмунд поясняет, что это потому, что Мах был «физик до мозга костей» [Там же]. Но, думается, что дело тут не в физике, а в том, что Мах обнаружил себя в природе, где его как личности не было, и ему показалось забавным, что ничего изучает себя-ничего, что возможен взгляд ничего на само себя, где себя-то и нет. То есть человеческое «Я» – это иллюзия природы или в природе. Безусловно, такое не могло остаться незамеченным, это было подхвачено в литературе и искусстве, но вовсе не в физическом смысле, а в метафизическом, чего никак не собирался предлагать Мах. То есть антиметафизическое восприятие физики Махом, благодаря поэтической интерпретации, превращалось в метафизическое и обретало популярность именно как метафизическое. Эгон Фридель предлагал положить «исчезающее Я» Маха в основание импрессионизма: «Коротко говоря, они писали Маха» [Там же]. Мах принципиально не собирался высказываться о «вещи-в-себе» и тому подобной

метафизике, у него это не было мировоззренческим высказыванием, но искусство занимается мироощущением, искусство не интересуется ощущением без мироощущения, искусство – это взгляд на ощущения через мироощущение. Если у Маха элиминация «Я» была карикатурой, то в искусстве это было серьезным откровением, серьезным мироощущением. Физическое, научное мышление – это мышление человека и остается таковым, несмотря на все попытки Венского кружка отделить проблемы науки от проблем человека. Это не удалось у участников Венского кружка даже в отношении самих себя, потому что для такового отделения они были слишком эмоционально захвачены, чтобы отделить науку от своей страсти и отнестись к ней равнодушно. Про участников Венского кружка можно говорить что угодно, только невозможно говорить об их холодном отношении к науке. Этос науки требует от ученого беспристрастности в его работе, однако откуда же тогда взяться страстному интересу к занятию наукой?

Пожалуй, одна из самых своеобразных фигур логических позитивистов – это кумир всего движения Людвиг Витгенштейн. Парадоксальным образом «кристальная ясность» его «Логико-философского трактата» оказалась малопонятной даже для гениальных умов его времени, а обсуждение трактата проходило порой в формах, не соответствующих строгой логике науки. Встреча Витгенштейна с Венским кружком более напоминала явление пророка: тут было и «таинство», и разделение на более «посвященных» и менее. Сама манера общения Витгенштейна никак не вписывалась в тему логического понимания науки. Чего стоит только описание встречи Карнапа с Витгенштейном: «Когда я наконец познакомился с Витгенштейном, то убедился, что предостережения Шлика полностью оправданны. Складывалось впечатление, будто свою систему он создал, благодаря божественному озарению, поэтому мы невольно ощущали, что любые трезвые рациональные аргументы или анализ его книги были бы профанацией» [Зигмунд, 2021, с. 179]. Тут очевидная парадоксальность ситуации: люди встречаются для того, чтобы поговорить с автором о его книге про логическое понимание философии, и в процессе общения ощущают, что рациональный (логический) анализ и аргументы в этом общении неуместны, являются профанацией (обмирщением)! А ведь принципы науки требуют универсальности и разделяемости знания, а не религиозного таинства. «Физик Вольфганг Паули мягко подшучивал над Шликом – мол, Венский кружок превратился в “религию”. Густав Бергман уже не так мягко язвил, что группа Шлика превратилась в “святилище философии Витгенштейна” – причем сам Витгенштейн там даже не появляется» [Там же, с. 373]. Возможно, это не было просто странностью, а выражало тенденцию интуитивных ожиданий. Хорошим примером может послужить история о том, как Рассел и Мур принимали экзамен

у Витгенштейна: «Витгенштейн поднялся, снисходительно похлопал экзаменаторов по плечам и сказал: “Ничего-ничего, вы все равно никогда этого не поймете”» [Зигмунд, 2021, с. 180]. Судя по этой ситуации, здесь уже можно говорить о чем-то вроде «пророческих», «мессианских» ожиданий у Рассела и Мура от философии Витгенштейна, хотя они явно не отличались склонностью к мистике. Интересно проследить, как развивались впечатления Рассела о Витгенштейне: от «просто дурак» до «гений». Такой разброс оценок говорит о том, что предлагаемое Витгенштейном не было явным для Рассела, скорее затрагивало какие-то струны ожиданий и надежд Рассела. Почему логические позитивисты придавали такое значение ожиданиям? Если автор подавал надежду, то на эту надежду откликнулись и ожидали от него «откровений». Казалось бы, в сфере строго научного обсуждения не место интуитивным ожиданиям, которые сродни той самой метафизике, против которой так отчаянно боролись участники Венского кружка и их единомышленники. Можно сказать, что сама метафизика – это не что иное, как те или иные ожидания. Получается, что противники метафизики метафизично боролись с метафизикой. Пытаясь освободиться от метафизики, Венский кружок избавлялся от самого себя, неслучайно их предшественник Мах приходит к исчезновению «Я», потому что «Я» без ожиданий, лишь чувствующее – это, по сути, и есть исчезнувшее «Я». Причем здесь напрашивается такое сопоставление: если у Маха было «исчезнувшее “Я”, то у Венского кружка было метафизическое «безмолвие». Выглядит логически верным, что исчезнувшее вместе с метафизикой «Я» должно быть метафизически «безмолвным», ведь говорить просто некому. Если можно было бы предположить метафизическую точку зрения на Венский кружок, то он должен был бы выглядеть как собрание привидений, которые обсуждают достоверность факта своего небытия. Интересны отношения Венского кружка с математиком-идеалистом Гёделем, который даже ставил целью ввести метафизику Платона в науку и старательно скрывал от коллег свои метафизические устремления – казалось бы, что у них могло быть общего? Возможно, интуитивные ожидания у Гёделя были более осознаны, чем у членов Венского кружка, но, судя по Расселу и Витгенштейну, вовсе им не чужды. К тому же, как оказалось впоследствии, интуиция Гёделя его не подвела: традиция аналитической философии возвращается к метафизике. «Несмотря на то, что обе традиции были решительно настроены против метафизики, из них вышли философские течения, которые были в полном смысле метафизическими и осознавали себя именно таковыми» [Лакс, 2015, с. 5]. И современная аналитическая философия активно стремится осознать свою связь с метафизикой [Chalmers, 2009; Christias, 2018].

В книге автор обходит молчанием многие дебаты в области эпистемологии и методологии науки, ведущиеся параллельно с логиче-

ским позитивизмом, однако архетипический спор Карнапа и Хайдеггера пропустить было невозможно. Встреча Карнапа и Хайдеггера описана в книге Зигмунда как «случайная», хотя, согласно исследованию М. Фридмана «Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер» [Фридман, 2021, с. 24], Карнап был очень впечатлен Хайдеггером, и встреча их была совсем не случайной, Карнап изучал «Бытие и время» Хайдеггера, слушал его лекции, присутствовал на споре Кассирера с Хайдеггером. И впоследствии Карнап в своем сочинении выбирает «псевдопредложения» именно из сочинения Хайдеггера, осознавая при этом, что логическая критика несколько не задевает Хайдеггера, потому что Хайдеггер отрицал центральную философскую роль логики и точных наук. «Разделившее их состояло в отрицании Хайдеггером центральной философской роли логики и точных наук, как раз того, что утверждал Карнап» [Там же, с. 29]. Логико-научное отрицание «Ничто» ничего не значило для Хайдеггера, потому что он-то как раз и оспаривал право логически судить об этом. Утверждение Зигмунда, что «метафизика и анализ языка повернулись друг к другу спиной, и с тех пор пути их радикально разошлись» [Зигмунд, 2021, с. 203], нужно понимать, скорее, в символическом смысле, в смысле начала раскола, потому что разговор тогда еще продолжался на одном философском языке, хотя трещина углублялась и только со временем привела от борьбы разных точек зрения к формированию принципиально различных философских традиций, во многом не принимающих друг друга.

Венский кружок полноценно проработал всего лишь десять лет, однако его влияние на современную ему культуру было колоссально, и отзвуки этого влияния чувствуются и теперь. Венский кружок оказал влияние на развитие искусства, архитектуры, политики, экономики, статистики и даже музейной деятельности. Нейрат создал совершенно новый подход к созданию музеев, разрабатывал графическую статистику и даже был приглашен советским правительством, чтобы принять участие в создании Института изобразительной статистики под эгидой Госиздата СССР. Члены Венского кружка читали лекции в Баухаузе – великой школе архитектурного функционализма. И те, и другие пытались построить сложные конструкции из ясных простых элементов, и те, и другие боялись декоративных или метафизических излишеств [Vrahimis, 2012].

На первый взгляд (если исходить из строгого предмета науки), совершенно непонятно влияние Венского кружка на таких писателей, как экзистенциально мыслящий Роберт Музиль и склонный к мистике Лео Перуц. Кроме того, «темы и дискуссии в литературной концепции Музиля обнаруживают методологическое сходство с подходами Венского кружка» [Arslan, 2014, p. 189]. Зигмунд приводит слова Р. Музиля про героя из его романа «Человек без свойств»: «Он заимствует свой математический стиль у Ницше: его мышление холодно,

остро, как нож, математично» [Зигмунд, 2021, с. 240]. Это, казалось бы, очень нетипичная и парадоксальная интерпретация – увидеть в книгах Ницше математику. Эти писатели хотя не входили в Венский кружок, однако сидели в тех же кафе, дышали тем же культурным воздухом Вены, возможно, поэтому элементы научного миропонимания странным образом входили в искусство, а искусство влияло на восприятие науки, делало восприятие науки отчасти художественным. Это проявление той совместимости несовместимого, когда взаимоисключающие области культуры, оказывается, не так уж и разделены, проявление единства различных, на первый взгляд совершенно не связанных культурных явлений. Противостояние строгого мышления, защитником которого был Венский кружок, и художественной образности в философии проходит через всю ее историю, это вечный вопрос.

Кажется, в Венском кружке была какая-то жизненная закваска, противоположная декларируемой ими безжизненной научной строгости, которая и позволила им оказать такое масштабное влияние на всю западную культуру. Эта школа оказалась столь влиятельна не только благодаря научному содержанию, но и благодаря гуманистической составляющей, жизненной страсти, которая делала науку значимым предметом мироощущения, не в утилитарном, а, скорее, в романтическом смысле. В заключение хочется сказать, что книга Зигмунда потеряла бы все свое очарование, если бы следовала точным принципам изложения строгой науки, которые декларировал Венский кружок.

Список литературы

Зигмунд, 2021 – *Зигмунд К.* Точное мышление в безумные времена. Венский кружок и крестовый поход за основаниями науки / Пер. с англ. А. Бродоцкой. М.: АСТ: CORPUS, 2021.

Касавин, 2017 – *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17. DOI: 10.5840/eps20175111.

Лакс, 2015 – *Лакс М.Дж.* Метафизика в аналитической традиции // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 5–15.

Нейрат, 2006 – *Нейрат О.* Пути научного миропонимания // Журнал „Erkenntnis“ («Познание»). Избранное / Пер. с нем. А.Л. Никифорова, под ред. А.О. Назаровой. М.: Изд. дом «Территория будущего»: Идея-пресс, 2006.

Фридман, 2021 – *Фридман М.* Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2021.

References

Sigmund, 2021 – Sigmund, K. *Tochnoe myshlenie v bezumnye vremena. Venskij kruzhok i krestovij pohod za osnovanijami nauki* [Exact Thinking in Demented Times. The Vienna Circle and the Epic Quest for the Foundations of Science], trans. by A. Brodskaya. Moscow: AST: CORPUS, 2021. (Trans. into Russian)

Kasavin, 2017 – Kasavin, I.T. “Zony obmena kak predmet social’noj filosofii nauki” [Trading Zones as a Subject-matter of Social Philosophy of Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 8–17. (In Russian)

Friedman, 2021 – Friedman, M. *Filosofija na pereput’e: Karnap, Kassirer i Khaidegger* [Parting of the Ways. Carnap, Cassirer and Heidegger], trans. by V. Tselishchev. Moscow: Kanon+, ROOI Reabilitaciya, 2021. (Trans. into Russian)

Loux, 2015 – Loux, M.J. *Metafizika v analiticheskoj tradicii* [Metaphysics in the Analytic Tradition], *The Philosophy Journal*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 5–15. (Trans. into Russian)

Neurath, 2006 – Neurath, O. “Puti nauchnogo miroponimaniya” [Ways of the Scientific World Conception], *Zhurnal „Erkenntnis“* (“Poznanie”). *Izbrannoe*, trans. by A.L. Nikiforov, A.O. Nazarova (ed.) Moscow: Territorija budushhego, Idejapress, 2006. (Trans. into Russian)

Arslan, 2014 – Arslan, C. *Der Mann ohne Eigenschaften und die Wissenschaftliche Weltauffassung. Robert Musil, die Moderne und der Wiener Kreis*. Vienna: Springer, 2014.

Chalmers et. al. (ed.), 2009 – D. Chalmers, D. Manley, and R. Wasserman (eds.) *Metametaphysics New Essays on the Foundations of Ontology*. New York: Oxford University Press, 2009.

Christias, 2018 – Christias, D. “The Resurgence of Metaphysics in Late Analytic Philosophy: A Constructive Critique”, *Philosophical Inquiries*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 123–147.

Uebel, 2023 – Uebel, T. “Wittgenstein and the Variety of Vienna Circles”, in: F. Stadler (ed.) *Wittgenstein and the Vienna Circle*. Vienna: Springer Cham, 2023, pp. 109–126.

Vrahimis, 2012 – Vrahimis, A. “Modernism and the Vienna Circle’s Critique of Heidegger”, *Critical Quarterly*, 2012, vol. 54, pp. 61–83.